

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО (ЭТНИЧЕСКОГО) САМОСОЗНАНИЯ НА ЗАПАДЕ

Статья представляет собой ретроспективный анализ взглядов и представлений западных мыслителей и ученых о национальном (этническом) самосознании. Выделены три основных этапа в его изучении – общефилософский, этнопсихологический, этнологический (культурно-антропологический). Рассматриваются важнейшие концепции и взгляды основных представителей третьего из данных этапов.

S. Putilov

FROM THE HISTORY OF NATIONAL (ETHNIC) SELF-CONSCIOUSNESS STUDY IN THE WEST

The article presents a retrospective analysis of opinions and ideas of western thinkers and scientists about the national (ethnic) self-consciousness. The author reveals the three main stages in its study – general philosophical, ethnopsychological and ethnological (cultural-anthropological) ones. The author considers the most important conceptions and ideas of the main representatives of each stage.

Ныне идущие в разных регионах мира (в том числе и в России) процессы возрождения этничности, обострения интереса народов и их конкретных представителей к своим этническим корням, национальной (этнической) идентичности и национальным идеям актуализируют и обуславливают необходимость научной рефлексии проблемы национального (этнического) самосознания и связанных с ним явлений. На наш взгляд, процесс осмысления данной проблемы, начавшийся на рубеже XVIII–XIX вв., прошел последовательно в своем развитии три важных этапа.

Первый этап в исследовании проблемы, по нашему мнению, следовало бы обозначить как общефилософский вследствие того, что данная проблема впервые формулируется и рассматривается в качестве научной именно в предметных границах философии, где осмысливается прежде всего в рамках парадигмы «духа народа» (национального духа)¹. В самом общем виде понимаемый как совокупный надындивидуальный внутренний мир народа (нации) феномен духа народа характеризовался способностью к саморефлексии, т. е. к самопознанию и самооценке, и обнаруживался благодаря объективации своих имманентных структур в окружающем мире.

Со второй половины XIX в. начинается следующий этап, который можно обозначить как психологический (или этнопсихологический), поскольку главным объектом изучения становится психология народов, особенности их национальных характеров и ментальности. Национальное самосознание в данный период рассматривается главным образом как психологический феномен, как органичный элемент национальной психологии.

Самостоятельную роль и значимость проблема приобретает лишь с XX в., благодаря чему выявляется новый, уже современный этап в ее изучении, условно обозначаемый нами как этнологический (или культурно-антропологический), поскольку приоритетное значение в этот период приобрели этнографические и антропологические исследования. Именно в XX в. проблема национального самосознания институализируется в качестве одной из ведущих, центральных в теориях этноса и нации. На рассмотрении именно данного этапа мы и хотели бы остановиться более подробно.

Процессы изучения проблемы в XX в. на Западе и в нашей стране начались почти одновременно и отличались тем, что в западной науке национальное самосознание отождествлялось с этническим, а в отече-

ственной науке данные виды самосознания дифференцировались и рассматривались раздельно — соответственно в теории этноса и в теории нации.

Следует также отметить, что изучение проблем этнического (национального) самосознания последовательно осуществлялось на основе двух разных исследовательских подходов. Первоначально деятельность исследователей данных проблем была отмечена ярко выраженным этноцентризмом, стремлением сравнивать любые элементы других этнических (национальных) культур и самосознания с собственными, воспринимавшимися в качестве эталонных. Постепенно позиция этноцентризма заменяется позицией культурного релятивизма, опирающегося на осознание того, что культура и самосознание любого этноса (нации) могут быть поняты лишь в собственном контексте, и нетипичные, с точки зрения одного народа, проявления самосознания и поведения являются выражением культурного опыта другого народа.

Одним из первых в 20-е гг. XX в. к проблеме обратился известный американский исследователь А. Крёбер, констатировавший, что национальное (этническое) самосознание — это «по существу — чувство отличия или единства, ощущение границы между своей группой (in-group) и тем, кто вне ее (out-group)». Важнейшим условием его возникновения ученый называл «родовое сознание», появление которого, в свою очередь, невозможно без наличия такого фактора, как язык². В последующие 1930–1950-е гг. интерес к проблеме падает, хотя западные антропологи вместе с тем продолжают изучать племена, все более осознающие себя в изменяющемся мире.

Резкая интенсификация внимания западных обществоведов к этнонациональным проблемам (в том числе и самосознания) происходит лишь в 1960-е гг., что было обусловлено началом неспрогнозированных процессов так называемого «этнического возрождения» в полиэтничных образованиях Западной Европы, США, ряда стран Латин-

ской Америки и Юго-Восточной Азии, распадом колониальной системы и образованием новых государств. Осмысление объективных и субъективных оснований данных процессов инициировало возникновение научных идей и подходов, известных ныне под названием концепций этничности. Понятие «этничности» (ethnicity), хорошо известное еще советским этнографам, в современной отечественной науке чаще всего понимается как эквивалент этнического, т. е. как совокупность этнических черт, характеристик, признаков, присущих как отдельным индивидам, так и их группам. Именно в рамках концепции этничности обнаруживаются понятия, во многом тождественные отечественным (широкому и узкому) подходам в понимании этнического (национального) самосознания и обозначаемые соответственно терминами «этническая идентичность» (ethnic identity) и «этническая самоидентификация» (ethnic self-identification). При этом под этнической идентичностью чаще всего принято понимать комплекс представлений этнофоров о своем этносе (нации), а под этнической идентификацией — сознание этнофорами своей этнической (национальной) принадлежности³.

Развитие теории этнической идентичности стало возможным благодаря осмыслению положений оформлявшейся еще с 1940-х гг. теории эго-идентичности американского психолога Э. Эриксона. Эриксон считал проблему идентичности ключевой темой современности. По его мнению, термин «идентичность» выражает такое взаимное отношение, в котором оно одновременно означает постоянное сходство (единообразие в себе) внутри себя, т. е. самоидентичность и постоянное разделение какой-либо существенной характеристики с другими⁴. Это важнейшее положение теории Э. Эриксона означало, что идентичность представляет собой синтез осознания индивидом своей личности (самости) и одновременно принадлежности к определенной социокультурной общности, в которой он осознает себя, с одной стороны, в качестве субъекта внутри-

групповой интеракции (взаимодействия), а с другой стороны — субъектом структуры межгрупповых отношений. Именно в таком понимании термин «идентичность» оказался востребованным в науке. Уже к середине 1960-х гг. происходит «встреча» терминов «идентичность» и «этничность», оформившая понятие «этническая идентичность».

Осмысление явления этнической идентичности в западной науке обуславливается принадлежностью исследователей к одному из трех основных — примордиалистскому (эссенциалистскому) либо инструменталистскому (ситуационистскому, мобилиционистскому), либо конструктивистскому — подходам. Возникновение данных подходов есть результат различного объяснения характера этничности как этнической идентичности.

Сторонники примордиалистского подхода (от *англ.* *primordial* — исконный) утверждают, что этнические и национальные общности — это группы людей, исторически сложившиеся на основе осознания общности своего происхождения, территории, языка, психологических черт, общей материальной и духовной культуры, своего отличия от других социальных групп в обществе, выражающегося в целом комплексе чувств, связей, отношений, воспринимаемых как примордиальные. Термин «примордиальные связи», введенный психологом Э. Шилзом для характеристики внутрисемейных отношений, был применен антропологом К. Гирцем к анализу этнических отношений, в которых, по его мнению, «привязанности протекают больше из чувства естественной духовной близости, чем из социального взаимодействия»⁵. Именно осознание такого рода чувств, связей и способствует оформлению этнической (национальной) идентичности. В зависимости от того, осознание каких этнодифференцирующих признаков общности трактуется теми или иными исследователями в качестве важнейших в формировании этнической (национальной) идентичности, в примордиализме выделяют социобиологическое, природно-географическое и

культурно-историческое направления. При этом представители социобиологического направления рассматривают этничность как примордиальную характеристику человечества и утверждают, что осознание групповой принадлежности заложено в генетическом коде индивидов. Сторонники другого, природно-географического направления утверждают, что в формировании общности и ее самосознания ведущую роль играют не только биогенетические, но и географические причины. Для представителей культурно-исторического направления характерно рассмотрение этнических (национальных) общностей и их самосознания как результата исторического развития общества и его культуры. Здесь этнос (нация) осмысливается не как биологическая, а как социальная общность, прочно связанная с культурно-историческим контекстом. Для большинства примордиалистов общим является признание этнического (национального) самосознания важнейшим показателем этнической идентификации и элементом, интегрирующим индивидов в общность: если отсутствует оформившееся, четкое индивидуальное и групповое самосознание, то и нет этнической (национальной) общности как таковой.

Сторонники следующего, т. е. конструктивистского подхода утверждают, что социальная реальность и ее конкретные феномены являются продуктами «социального конструирования» элит общества, которые благодаря широкому распространению грамотности, образования и возрастанию роли различных СМИ обрели возможность транслировать свои идеи самым широким массам. Исходя из этого, конструктивисты указывают на фактическое отсутствие в природе этничности и говорят о ней как «о новаторском акте творческого воображения»⁶. В отличие от примордиалистов, признающих объективность, постоянство, укорененность этничности в бытии народов, конструктивисты делают упор на субъективности, изменчивости, ситуативности этничности, рассматривая ее в качестве средства формирования различных

необходимых функциональных связей в социуме. По их мнению, этничность может рассматриваться и как глобальное явление (характерное для больших этнических и национальных общностей и их объединений), и как локальный феномен, присущий малым группам и отдельным индивидам, конструирующим этнические идентичности добровольно и самостоятельно либо под давлением извне. Наиважнейшую роль в сплочении индивидов в «сконструированной» этнической общности конструктивисты отводят самосознанию как совокупности представлений о «своей» общности. Для конструктивизма вообще характерна крайняя абсолютизация этнического (национального) самосознания в структуре этничности: они подвергают анализу не собственно признаки этноса, т. е. этнодифференцирующие признаки, а представления о таковых. С их точки зрения, этническое (национальное) самосознание должно осмысливаться как первичное, а набор «этнообразующих» признаков как вторичное явление. В качестве ведущих, приоритетных в структуре этнического (национального) самосознания исследователи рассматривают представления об общности происхождения (реальной или воображаемой) (Э. Смит), «культурных маркерах» (Ф. Барт), «ярлыках» (А. Эпштейн), «символических стражах» (Дж. Армстронг), определяющих границы между своей и иными общностями, реальными или изобретенными традициями (Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум) и др.⁷

Третий, т. е. инструменталистский, подход отличим от конструктивизма и примордиализма тем, что смещает акценты с познания особенностей как «конструирования», так и генезиса этнических (национальных) чувств и идей на осмысление особенностей использования таковых в качестве символического и реального ресурса при достижении конкретных целей в обществе. Этничность как этническая (национальная) идентичность предстает прежде всего как инструмент решения политических и экономических проблем общности и ее членов, улучшения

своего политического и экономического статуса в структуре социума. Сторонники инструментализма этническую мобилизацию объясняют также потребностью в изменении социальной стратификации (стремлением подняться в высшие слои общества), в разделении рынка и т. п. Не удивительно, что данное направление в объяснении этничности называют еще и гедонистическим.

Впрочем, объяснение сути этничности инструменталистами лишь через призму чисто прагматических целей отдельных индивидов и их групп представляется излишне упрощенным и односторонним. Сохранение этничности в современном мире многие представители данного подхода объясняют также и стремлением индивидов и их групп преодолеть отчуждение, достичь ощущения комфортности во все усложняющемся мире.

Уже с начала 1980-х гг. в западном обществознании возникает осознание эвристической ограниченности каждого из данных трех подходов в объяснении природы этничности. Это обусловило появление попыток синтеза примордиализма с положениями двух других подходов (концепция «двухмерной матрицы» Дж. МакКэя, «оппозиционная модель» Э. Спайсера и Дж. Скотта и др.⁸), позволивших прийти к следующим компромиссным выводам относительно этнического (национального) самосознания: «Этническое самосознание вечно присутствует в латентной форме повсюду. Но оно реализуется лишь в тех случаях, когда группа чувствует либо опасность, угрожающую ей потерей ранее приобретенных привилегий, либо, наоборот, считает данный момент удобной возможностью приобрести долгожданные привилегии»⁹.

Как нам представляется, в каждом из трех подходов западной науки к исследованию этнического (национального) самосознания можно обнаружить ценные положения. Так, например, нельзя игнорировать примордиалистскую идею понимания этнического (национального) самосознания как продукта развития истории и культуры; кон-

структивистскую идею о пространственно-временной и ситуационной относительно-сти этничности и этнической (национальной) идентичности; инструменталистский взгляд на этническое (национальное) самосознание как важнейшее средство мобилизации этнической (национальной) общности на реализацию своих интересов и т. д.

Анализ показывает, что в каждом из рассмотренных выше подходов общим является признание важности (либо решающей роли) этнического (национального) само-

сознания и этнической (национальной) идентичности для самовыделения общности, выделения ее другими, для любой деятельности в этнической сфере. При этом последовательные переходы от одних объяснительных моделей к другим, от одних концепций к следующим в изучении проблемы предопределялись выявлявшейся ограниченностью господствующей парадигмы и поисками новых концептуальных оснований исследования природы национального самосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Гарнцев М. А.* Проблема самосознания в западно-европейской философии (от Аристотеля до Декарта) / М. А. Гарнцев. — М., 1987.

² *Kroeber A.* Anthropology / А. Кроевер. — N. Y., 1948. — P. 226–228.

³ См.: *Винер Б. Е.* Этничность: в поисках парадигмы изучения / Б. Е. Винер // Этнографическое обозрение. — 1998. — № 4. — С. 17.

⁴ *Erikson E.* The Problem of Ego-identiti / E. Erikson. — N. Y., 1995. — P. 151.

⁵ *Geerts C.* The Interpretation of Culture: Selected Essays / C. Geerts. — N. Y., 1973. — P. 259.

⁶ *Young C.* The dialectics of cultural Pluralism: Concept and Realiti / C. Young // The Rising Tide of Cultural Pluralism: The Nation State at Bay? — Madison, 1993. — P. 23–24.

⁷ См.: *Epstein A. L.* Ethnosand Identity: Three Studies in Ethniciti / A. L. Epstein. — London, 1978. — P. 11–12; *Armstrong J. A.* Nations Before Nationalism / J. A. Armstrong. — Chapel Hill, 1982. — P. 43.

⁸ См.: *McKay J.* An Exploratory Synthesis of Primordial and Mobilisationist Approaches to Ethnic Phenomena / J. McKay // Ethnic and Racial Studies. — 1982. — Vol. 5. — № 4. — P. 397–402; *Spiser E.* Persistence Identity Systems / E. Spiser // Science. — 1993. — Vol. 4011. — P. 795–796.

⁹ *Wallerstein I.* The Capitalist Word Economy / I. Wallerstein. — Cambridge, 1979. — P. 184.